

Jej práce poznajú a pozitívne hodnotia odborníci nielen zo Slovenska, ale aj zo slavistického zahraničia, najmä z Poľska, Česka, Bieloruska, Ruska, Lotyšska, Litvy a pod.

Na mnogal a благал лѣта!

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2024.1.20>
Peter Žeňuch

In memoriam

Андрей Евгеньевич Бочкарев

21 марта 2023 года ушел из жизни Андрей Евгеньевич Бочкарев, блестящий ученый, эрудит, автор множества работ по семиотике, лингвистике, теории значения.

Сьюзен Сонтаг писала о Барте: «Казалось, он способен размышлять по любому поводу: посади его напротив коробки для сигар, и постепенно – мысль за мыслью – на свет появится маленькое эссе». То же самое можно сказать и об Андрее Евгеньевиче: вопреки привычному разделению жизни ученого на интеллектуальную и бытовую сферы, для него этого разделения не существовало. Он неустанно был готов размышлять и интерпретировать, выводить скрытые смыслы из казалось бы приземленных явлений, означивать неожиданные факты.

Андрей Евгеньевич обладал невероятным семиотизирующим даром. В аудитории он умел воссоздавать ту удивительную атмосферу, которую ныне можно встретить, пожалуй, лишь на записях лекций французских интеллектуалов восьмидесятых или в мемуарах той эпохи. И происходило это не ради одного лишь интеллектуального удовольствия, но ради проверки теории жизнью, притирки идей к их материальным носителям.

Мне посчастливилось прикоснуться к его образу мысли в самых располагающих к тому семиотических обстоятельствах. В 2013 году, после окончания университета мы с группой студентов отправились на стажировку в Нормандию. Среди наших французских преподавателей оказался и Андрей Евгеньевич. Самым ярким воспоминанием осталось удивление от того, как много знания и, главное, любви к этому знанию он сумел передать нам за короткий срок. Во время стажировки мы много путешествова-

ли по знаковым местам – от Этрета до Довиля, – и Андрей Евгеньевич был неустанным проводником по контекстам французской культуры. Но главным открытием была не столько его поражающая энциклопедичность, сколько его фонтанирующая любознательность. Каждое географическое путешествие превращалось в семиотическое: проходя мимо антикварной лавки, он с пристрастием заставлял угадывать, в каком веке был изготовлен выставленный в витрине медальон из красного дерева, а у букинистов он учил правильно выбирать книги. Андрей Евгеньевич любил повторять: «не стыдно не знать, стыдно не интересоваться». Со временем это стало отправным пунктом моей личной исследовательской траектории.

Человек невероятной эрудиции, он был одновременно взыскательным и дисциплинированным ученым. Удивительная честность, непримиримость с любой фальшью и строгая критичность – эти принципы во многом определяли и его собственные исследования, и его преподавательские стратегии. Он не находил возможным соглашаться, если это противоречило его пониманию истины. В науке он не слаживал шероховатости, но расшатывал их, чтобы дойти до сути.

Его исследовательский путь не может не вызывать восхищения. Академическая судьба Андрея Евгеньевича была чрезвычайно яркой, совместившей преподавание в двух университетах – Нижегородском государственном лингвистическом университете и в Высшей Школе Экономики – и исследования в научных контекстах двух стран, Франции и России. Андрей Евгеньевич – автор трех диссертаций: после кандидатской работы по теории фонетики (1987), Андрей Евгеньевич защитил докторскую диссертацию в университете Париж IV, посвященную семиотике растительного мотива в романе Марселя Пруста (1996). Его научным руководителем во Франции был Франсуа Растье, один из ведущих семиотиков мирового масштаба. Наконец, в 2010 году в Москве Андрей Евгеньевич защитил третью диссертацию на тему «Эпистемологические основания теории значения» по специальности «Теория языка».

Автор трех диссертаций, сложнейших переводов на русский язык (так, в 2001 году в его переводе вышла «Интерпретирующая семантика»

Ф. Растье), нескольких монографий и бесчисленного количества статей, он не следовал за научной модой, был чужд и тени научного конформизма. Если основным предметом изысканий Андрея Евгеньевича был и оставался язык, то аспекты его изучения непрестанно эволюционировали: это и фонетика, и семиотика, и семантика, и – шире – французская литература, философия, теория искусства. Но сквозь все исследования Андрея Евгеньевича проходила магистральная линия: поиск смысла был его основной теоретической и экзистенциальной задачей. Еще одна его излюбленная фраза на занятиях: «все, что мы делаем – ради смысла».

Удивительной чертой как его научных поисков, так и мироощущения были соразмерность и гармония. Вихреобразный, зачастую сложноуловимый ход его мыслей в аудитории сочетался с предельно точными и строгими теоретическими выводами, широчайшая эрудиция – с лаконичным, выверенным стилем. Безупречная логика, отточенные, словно граненые формулировки, предельная аккуратность в обращении с «чужим словом»: любой текст Андрея Евгеньевича узнаваем. Своей любовью к слову – как письменному, так и звучащему – он буквально завораживал окружающих. Когда я готовилась к защите, Андрей Евгеньевич возвращал мне черновики моего автореферата девятнадцать раз, добиваясь ровно того сочетания лаконичности и глубины, которое он соотносил с какой-то одному ему известной внутренней мерой. Со временем я и сама научилась ощущать эту меру. Сейчас я пишу этот текст и думаю о том, что Андрей Евгеньевич раскритиковал бы меня за нестройность линий и хаотичные подтеки воспоминаний.

Его поиски смысла перехлестывали водораздел жизни и искусства: для описания особого вида французской черепицы привлекался поэтический образ, язык дружил с философией, а оттенки моря интерпретировались через импрессионистскую живопись. В один из дней нормандской стажировки мы шли с Андреем Евгеньевичем по улицам Кана, как вдруг внезапно он остановился, указал на солнечный блик на стене одного из домов и прочитал лекцию по «тому самому» оттенку желтого у Вермеера. Во многом Андрей Евгеньевич жил по абсолютно прустовским законам: подобно тому, как небо у

Пруста напоминало хорошего Тернера, жизнь для него означалась через эстетический опыт, а семиотические системы гармонизировались в его собственной метавселенной.

Мне невероятно тяжело осознавать, как мало я успела перенять из его мироощущения и знания. Вместе с тем, я наполнена бесконечной благодарностью за то, что мне удалось попасть в орбиту смыслов Андрея Евгеньевича.

Я скорблю вместе с родными и близкими, коллегами и учениками.

[https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2024.1.21.](https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2024.1.21)
Лариса Евгеньевна Муравьева

**KRISTÍNA TKÁČOVÁ – TERÉZIA HARČARÍKOVÁ:
Jednotlivec s nevyliečiteľnou chorobou
v kontexte pedagogiky telesne postihnutých,
chorých a zdravotne oslabených.**
Praha: Karolinum, 2022.

Už názov publikácie naznačuje, že sa autorky venujú téme, ktorá je pre spoločnosť citlivou a predstavuje výzvu ako pre autora, tak aj pre čitateľa. V neposlednom rade je to téma, ktorá je v kontexte pedagogiky len veľmi málo diskutovaná, no zahŕňa pomerne širokú oblasť, ktorá si nepochybne zaslúží pozornosť.

Predkladaná monografia sa zameriava na dospevajúcich jednotlivcov s vybranými druhmi nevyliečiteľných ochorení – onkologické ochorenia, Duchennova svalová dystrofia a cystická fibróza. Autorky približujú premetanie špecifík konkrétneho druhu nevyliečiteľného ochorenia do edukačnej oblasti života dospevajúceho jednotlivca. Úvodné kapitoly tvoria teoretický popis k problematike nevyliečiteľného ochorenia z hľadiska medicíny, psychológie a špeciálnej pedagogiky, s dôrazom na psychosociálnu a špeciálnopedagogickú oblasť. Na úvodné kapitoly nadväzuje praktická kapitola, v ktorej sa autorky venujú skúmaniu špecifík edukácie dospevajúcich jednotlivcov s vybranými druhmi nevyliečiteľných ochorení prostredníctvom fenomenologickej analýzy vybraných životných príbehov.

Jednotlivci s nevyliečiteľným ochorením boli opomínanou skupinou z hľadiska edukácie. Pozornosť im bola venovaná predovšetkým z pohľadu